

ПИЛЮЛИ ХОРОШО, А САМОГОНОЧКА НАДЁЖНЕЙ

Кума Галина минут десять стучалась в дверь к Арине.

Она кака змея, хто с бабой-ту заспелась? Аришка, ты пошто не отворяшь?

Потопталась на крыльце, обошла кругом избы:

Жёлта в рот, нады идти звать мужика.. пушай дверь ломат ли ково ли...

Галина побежала к воротам, да услышала, бытто брякнул засов на дверях. Оглянулась Арина выползла на крыльцо. Она было отворила рот (видать хотела ково-то сказать), да задохнулась. Кое как прокашлялась и давай причитать:

- Оно хто чево дээтца, она какá на меня навалилась неоколедима? Другу неделю в худых душах лежу.. Сроду едак по долгу-ту не выдёживалася, день-два – да опеть на ногах, Христос со мной.

Галина врыссю подскочила, подхватила старуху под локоть:

Святдох Восподней! Ты где едак-ту сжабалась? Морозов-ту ишшо не было не у лешака ли простыла?

Видать половики аукнулись, хто боле-то? Лето со мнучатами вьсидела – не стиралась. Как што не добра хозяйка стала.. Хватилась звот к осенé.. Грязный вить в зиму не оставишь...

Арина сташшила с головы косынку, утёрла пот со лба. Повела гостью в избу. Галина не могла унятца:

Ты, кума, не одичала ли? Неуж на реке шоркалась?

Дак где боле-то? Кружкí-то в бане перестирала, а половик вить в бане не выстирашь.. Все три вышоркала да выполоסקала... Шутка в деле?!

Ва-ай, дефка, правду што к старосте-то всё круговé да круговé стаём. Тёплой лопатины-то у тебя уж, стало быть, нету? Обнишшала наготово...

Дак оболоклась-ту бытто во всё тёпло. А сабоги новы куды-то упёточила. И в анбаре и в завозне всё перебутырила - нигде не трафилась! Наткнулась на други, оне не шибко же давнóшны. Так-ту тоже целы были, а в воду забрела – оне, прокляты, побежали. Пушшето ознобила леву ногу, дефка, пальцы какэсь скрючило. Кое как выдружила. Дак всю ночь согретца не могла.

Галина слушала куму, надивитца не могла у ней ково с головой-ту заспелось? Сроду вить круговой не была...

Ты счево эка беспута? Нады было баню истопить да прогретца...

Дак вот, про баню-ту не ума! На утро губы обметало, закахыкала не на белый свет. Кишки уж с этим кашлем надцадила, всё нутро болит. Вздохнуть не даёт ..

Дак умом-ту подумала бы – на реке забереги, по каку змею в воду было ползти?! В наши года берегчись нады, како нонче здоровье?! Так-ту адва ползашь..

Арина махнула рукой:

Можно было бы, дак неуж я бы поташшилась с нима? Да зимой в избёнке-то какэсь околеванне, все углы промерзают. Половик-от не

натянешь, дак ноги без катанок на пол не спустить. А грязны́ стелить – стыдовишша.

Арина опустила́сь на койку.

Гли-ка, сколь поразговаривала, а из сил вышла. Вот до чево обуродовалась. Задохнулась вся. Хуже работы..

- Лежи-лежи, не ставай. Я тут подберусь маленька, то уж в грязе заросла, Галина подоткнула ей подушку, штоб половчэ лежать было, окинула ноги шалью.

Дак как, родима, не зарастёшь? Ноги нисколь не дёржат. Обессилела наготово. Вечёр голову обнесло, сяла мимо стулу, да сколь время стать не могла...

Арина опять зашла́сь в кашле. Отдышалась кое как:

Вот возьмёт кашель – свету белово не вижу! Какэсь стала никуды не годна... Вся худа до бокаря.

Обессилела она.. Неделю не видались, а от тебя половина осталася - кожа да кости. На глазах та́ешь. Ешь пу́шше! Это уж последнее дело – себе в рот жалеть!

Я вить не нарачи́ морю себя. Некак ись не могу, ни на ково аппетиту нету. Брюхо-то какэсь в узелок завязалось – один пряник и то не воходит.

Тут уж Галина заперевивала. Это видано ли, штобы Аришка от еды отказывалась?! С малолетства солóшша была. Однако худо дело-то.. Вправду хворат стало быть, не приставлятца.

Нады ково-то делать, кашель-от у тебя шибко худой. Давай-ка я тебе печь русску истоплю. А как натопитца добром, оболокайся в полошубок да залезай на печь. По добру́-ту нады бы стопочку пропустить, штоб всё нутро пушше прогрелося. Два-три дни едак пропотешь и на ноги станешь. Ей Бох, нисколь не вру! Сама напрохот лечусь.

Вай, Галя, я как на тебя ране-то не тра́филась, счас бы уж оздоровела. На днях фершалицу стукнула в окошко (годами её не вижу, а тут откуль-то лешак привёл!) Знаю вить, что лень оты́лая, нико́во в болестях не понимает, нет – слушаю её! Как мо́рок на меня навалился. Она выгребла все пилюли, сколь в ридикюле было. Вить некак я от неё отвилять не могла! Дума́й-ка всю пензию на порошки издержала! Ишо и не хватило... дак она выручила в долг записала... Дай ей Бох здоровья!...

Галина сперва замахала на неё руками, потом перекрестилась:

Ради Христа, ты не окружа́ла ли? Ты ково эту фершалицу-то слушаешь?! Ты рот разинула, а она радёшинька ей вить толька бы с тебя денег поболе содрать.

Дак она меня ково-то шшупала же, какэсь всюё с головы до ног... градусник за пазуху запехала. Потом к простуде ишо и давленния како-то у меня нашла. Арина призадумалась, А ты, родима, не знашь про давленне-то, хто это чево? Сроду без нево жили, откуль взялось?

Галина пожала плечами:

Дак лешак знат, хто это.. Счас за ково ни схватись, все сплошь с давленнем с этим. Дак и молоды-то с ним маются, не то што чево...

Да, девка, выручила ты меня опеть. Я-то кругова, хотела по медичку ково-нить посылать.

Ариша, ты счево ека простодыра-то? Она вить как придёт, дак от неё скоро-то не отвляяшь, опеть ково-нить навелит .. До седых волос дожила, а всё как челядёнок всех слушаешь.

Кабы знатё, дак я счево бы тратилась-ту? ..Христы тебе в рот, буду своими средствáми лечитца.

Арина полежала. Видать всё же решилась:

Ты, родима, печь-ту растопишь, дак спóлзай в попóлле там в картошках четверть с самогонкой стоит. Отлей в литрову стеклянку. Думаю, один полошубок мне мало пособит, шибко чижало хвораю. Не дай Бох, како осложненне привяжетца.. Придётся, паря, опру́жить чекушечку-другу...

Галина за разговорами прибралась в избе, распехала по углам черепки. Выскочила в сени по голик. По путé зачерпнула ковшиком воды из баку – хотела брызнуть на пол. Да, видать, полно отхлебнула – вода-то не в то горло пошла. какэсь было захлебалась!

Вай, кума, дак я тоже запокашливала... У тебя болесь-то уж не заразна ли? Фершалица-то никово не сказывала?

Она ково знат, тунгýссе отродье? Ково-то насобирала про мои болести.. Счас-то уж понимаю, што нарачи меня пужала, штоб поболе лякарствов набрала.. А сёравно боюся одна дома оставатца.. Лешак знат, не дай Бох, вправду кака нёмочь привязалась?

Не кружай, я вить тебя не брошу, стало быть лешай с ней, с управой... Никуды не уйду, докуль не уснёшь. А то после чекушки-то как бы тебя опеть не обшатúрило.. Или, не дай Бох, за половик запнёсся. долго ли раз ноги не дёржат? Ишшо захвоснёсся в своёй избе.

Ох ты моя родна, я оздорóвею, дак рашшитаюсь с тобой... Всё же веселе с живым-то человеком...

Вай, ты ково говоришь? Я счаво с тебя плату-то возьму!?! Мы ведь не чужи с тобой! А самогоночкой угостишь, дак я не откажуся. Уж до чево самогоночка-то у тебя крепка! Сама знашь, я окроме черёмушно пива-то в рот никово не беру, но тебе пособлю́...

Кума Галина врысью побежала по дрова...
Прошло часа три. Печь истопелась. Баушка Арина прогрелась. Са-
могоночки в стеклянке осталось рюмки на́ две. От силы – на́ три.
Старухи раскраселись. Опружили ишо по стопочке. И затынули пес-
няка.

Ну до чево до́шла ета кума Галина! Всё-то она знат!

Гли-ка, раз прогрелась и на ноги стала!

ЗАГРАНПАСПОРТ

У нас счас нова забота, парень наш из Америки посулился к весне
приехать, погостить. Дак опеть загвозка - у его молодухи-то не все до-
кументы готовы, переживают, что к тому времю не успеют притти. Не
знаю, говорит, вырвемся к вам ли нет. Прилетайте сами.

Я и хватилась - пачпорт тамошнай у миня обменивать нады, строк
ему вышел.

Куды деватца, пошла в пачпортный, штоб до последу не дотянуть.
И всё бы ничаво – девки сидят обходительны, грамотны, всё живо об-
стряпали. Кабы не карточка..

- Ну вот, осталось сфотографироватца. Раздевайтесь, идите суды.

Посадила миня в каку-то капошну кабинку. Да сколь время она мне
начитывала! То туды, то суды. То прижмись, то отодвинься. То голову
опусти, то подыми. Но хуже всево, што глядеть прямо нады...

А как бытто прямо-то глядеть?! Не знаю уж, што за ланпы оне наве-
шали, но до чево ярко́ горят, глаза открыть неможно́! Не успела я
устроится половчэ да глаза хоть сколь-нить расширить, она коман-
дует:

Всё готово, выходи. Узнавай через месяц.

Но, думаю, слава бох, исправилась.

Прошел месяц...

Нады идти получать документ. Поглядела в нево чуть из рук не
выпустила!..

- Ты, говорю, родима, чужой чей-от дала.

Паспортиска-то осердилась, обратно мне ево шматёрнула:

Чей чужой? Фамиль-то ваша?

Я призадумалась:

Дак фамиль-то моя... А баба-то тогда в нём чья сидит?

Она одно што успорят, мол приглядиись, сроду этово не было, штоб
кому-то чужу карточку прилепили.

Куды деватца? Достала я очки, давай пушше глядеть.

Бровишки у миня, правду сказать, белы, а тут уж дóсталъ никаких нету... Глаза нáдико глядят. Волосья раскосматились, что у волхитки... Мамы родимы! Рот-от сколь худо ли перекосило! Ну никово моёво нету! Нос и тот чужой.

Да нет, дефка, никак не могу себя признать. Не я это! Ково хошь говори не я!

Тут у меня глаза пали на одёжу... Дак кофтёнка-то, однако, на мою находит... Неуж вправду я?! Всё бытто думала, што я ишшо помоложе да побашше...

Но, дефки, счас мне эту лопатину нады будет все десять годов пушше глазу берегчи. Без этой кофты меня в заграницах некто не признают, никуды не пустят.

Похохотали, с тем и ушла... Дó дому всё думала - подфартит куды съездить с новым документом, или вправду никуды не выпустят? Неуж на своей даче отдыхать до старости придётца?

А потом меня как торкнуло! Уж не политика ли счас така пошла? А чё, у нас скоро работать некому будет. Русски-то, наипаче молоды, не башше грузинов да китайцев, по всему миру разбрелися. Вот оне и придумали нарачй нас на карточках уродовать! Глядишь, которово в пачпорте не признают, тово не выпустят! Я-то, конешно, на пензии давно, лешаку нужна, боле никому... Но на крайнай случай буду говорить, што операцию на лице делала... Пушай проверяют...

Счас сижу, на себе волосья рву! Да я сроду не думала, што вправду едак можно изуродовать человека! Два часа глаз не свожу - никак не делаюсь красивше...

Мужику пачпорт ни за што не покажу!.. Ишо приглядыватца ко мне начнёт (оборонишна мать), да увидит, што я на ету бабу с карточки находить стала... Я ково потом делать-ту буду? Не дай бох, уж вправду чаво заспетца в семье в суд подам. Деньгами за ушшерб брать не буду. Отсужу, штоб кажнай год в заграницы летать за шшот паспор-тиски, котора меня на карточку сымала.